

Студенттер мен жас ғалымдардың
«ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ БІЛІМ - 2018»
XIII Халықаралық ғылыми конференциясы

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

XIII Международная научная конференция
студентов и молодых ученых
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ - 2018»

The XIII International Scientific Conference
for Students and Young Scientists
«SCIENCE AND EDUCATION - 2018»

12th April 2018, Astana

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ**

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«Ғылым және білім - 2018»
атты XIII Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XIII Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«Наука и образование - 2018»**

**PROCEEDINGS
of the XIII International Scientific Conference
for students and young scholars
«Science and education - 2018»**

2018 жыл 12 сәуір

Астана

УДК 378

ББК 74.58

Ғ 96

Ғ 96

«Ғылым және білім – 2018» атты студенттер мен жас ғалымдардың XIII Халықаралық ғылыми конференциясы = XIII Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2018» = The XIII International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2018». – Астана: <http://www.enu.kz/ru/nauka/nauka-i-obrazovanie/>, 2018. – 7513 стр. (қазақша, орысша, ағылшынша).

ISBN 978-9965-31-997-6

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 378

ББК 74.58

ISBN 978-9965-31-997-6

©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2018

6) Gilpin R. War and Change In World Politics. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2007. [Http://ecsocman.hse.ru/data](http://ecsocman.hse.ru/data) [электронный ресурс] (дата обращения 16.03.18)

7) Проект о международном научно-техническом сотрудничестве в одиннадцатый пятилетний период / Министерство науки и техники Китая. [Http://news.xinhuanet.com/newscenter/2005-01/16/content_2467718.htm](http://news.xinhuanet.com/newscenter/2005-01/16/content_2467718.htm) [электронный ресурс] (дата обращения 16.03.18)

УДК 341.1/8

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ВОЙНА» И «ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ»,
«ВНУТРЕННИЕ БЕСПОРЯДКИ» И «ВНУТРЕННЯЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ» В
МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ**

Кадылкаиров Алибек Муратович

Znzvr@mail.ru

Студент 2 курса специальности: международное право

ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан

Научный руководитель – Костяная Ю.С.

Начало XXI века ознаменовалось переходом к «новой эре» - эре глубоких изменений во многих сферах жизни международного сообщества, большинство из которых были напрямую связаны с вопросами защиты каждым государством своей независимости и территориальной целостности, а также главным образом угроз внутренней дестабилизации. Современное международное право запрещает использование вооруженной агрессии против любого суверенного государства. Так, п. 4 ст. 2 Устава ООН определено: «...все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций...» [1]. Учитывая достигнутые положительные последствия послабления международного напряжения, а также при отсутствии крупномасштабных войн наиболее серьезную опасность стали представлять локальные конфликты внутри государств, случаи нарушения внутреннего порядка, возникновения обстановки внутренней напряженности, массовые беспорядки, отдельные спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера. С принятием Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., который касается защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, от 8 июня 1977 г. (далее - Протокол II) подобные ситуации внутреннего насилия, не будучи вооруженными конфликтами [2], были исключены из сферы действия норм международного гуманитарного права и права вооруженных конфликтов, что обусловило становление нового, принципиально иного, правового режима. Интересным также является тот факт, что в международно-правовых актах универсального характера не содержится определение войны или внутренних беспорядков и напряженности. Все эти обстоятельства наряду с имеющимися многочисленными внутренними беспорядками и напряженностями свидетельствуют о достаточной актуальности указанной проблемы и подчеркивают необходимость ее всестороннего исследования. Исследование понятия войны и соотношения его с внутренними беспорядками и напряженностями, которое представлено в международных нормативно-правовых актах, позволит определить критерии отнесения тех или иных конфликтов к данным понятиям, а это является наиболее актуальным вопросом сейчас, ведь когда будут существовать конкретные критерии, то можно четко разграничить ситуацию войны либо же внутренних беспорядков.

Стоит отметить, что проблема правовой квалификации случаев нарушения внутреннего

порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности составляет сферу интересов многих ученых, среди которых Е. Давид (E. David), К.В. Доди, Ю.В. Дубко, А.Ф. Кастро Л. Кэмерон (L. Cameron), К. Лаванд (Кол. Lawand), Х. Ленггольц (H. Langholtz), Т. Мерой (T. Meron), М.В. Остроухов, Л.В. Павлова, А. Паулюс (A. Paulus), М.Б. Саакян и др. Однако, на сегодняшний день, в вопросе определения критериев войны или внутренних беспорядков существует много разногласий как теоретического, так и практического характера, потому что они не всегда способны реагировать на деформированные под воздействием современных условий вооруженные конфликты.

Целью статьи является комплексный анализ правовой квалификации соотношений понятий «война» с понятием нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, определение сущности и содержания этих понятий, а также установление их правовой природы.

С началом международно-правовой регламентации вооруженных конфликтов использовался исключительно термин «война». Так, термины «война» и «воюющие стороны» нормативно закреплены в Гаагских конвенциях 1907 года. Термин «война» отражены в Женевском протоколе о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов, бактериологических средств 1925 года, а также в конвенциях, которые регулируют ведение морской войны [2, с. 120].

Позднее в Женевских конвенциях 1949 года вместе с термином «война» появилась категория «вооруженный конфликт», в частности употребляются понятия «международный вооруженный конфликт» и «немеждународный вооруженный конфликт». Различия между «войной» и «вооруженным конфликтом» весьма условные, а именно считается, что понятие «вооруженный конфликт» является более широким и охватывает понятие «война». Однако не каждый вооруженный конфликт можно назвать войной, поскольку между ними существует существенное различие, в частности война имеет такие признаки: акт объявления войны; разрыв дипломатических отношений между воюющими государствами, что является следствием объявления войны; аннулирование двусторонних договоров, особенно политических. Понятие «война» употребляется для обозначения вооруженного противостояния между двумя или несколькими суверенными государствами. Зато, когда происходит гражданская война или народ или нация борются за независимость, применяют термин «вооруженный конфликт». Война влечет за собой изменение всего общества, а именно государственные институты начинают выполнять специфические функции, обусловленные войной. Во время вооруженного конфликта не происходит коренное изменение всего государственного механизма на военный лад. Вооруженный конфликт - это вооруженная борьба между государствами или между государством и антиправительственными вооруженными формированиями [4, с. 763].

Далее следует подробнее остановиться на понятии внутренних беспорядков и напряженности и их отличий от войны и вооруженного конфликта. Поскольку в настоящее время все еще отсутствует легальное определение этих понятий, по нашему мнению, целесообразным является обращение к доктринамеждународного комитета Красного Креста (далее - МККК) и теории международного и национального права. Однако и здесь почти никаких реальных определений не приводится. Комментарий к Дополнительному протоколу, в частности Протоколу II, фактически повторяя характеристику внутренних беспорядков и напряженности 1971 года, учитывая опыт и достижения в процессе деятельности организации, говорит о том, что такие определения являются частью доктрины МККК, сделанные с целью их практического применения. Хотя в Комментарий к Протоколу II юристы МККК и приводят примеры внутренних беспорядков и актов насилия, не определенным является тот порог, когда внутренние беспорядки перерастают в вооруженный конфликт [5, с. 133].

Несмотря на то что п. 1 ст. 1 Протокола II устанавливает определенную нижнюю и верхнюю границы, содержит ряд критериев, которые в общем виде определяют внутренний вооруженный конфликт, вопрос квалификации и до сих пор остаются актуальными, а

проблема определения ситуаций внутренних беспорядков и напряженности - не решенной [6, с. 189]. Эксперты Международного комитета Красного Креста своего времени, определяя внутренние беспорядки и напряженности, решили не придавать этим понятиям четких определений. В связи с этим было принято решение о характеристике этих терминов на примерах таких ситуаций. По мнению экспертов, к ним стоит отнести ситуации, которые не являются вооруженными конфликтами немеждународного характера в общем определении, но в которых присутствует противостояние внутри страны, характеризующееся определенной степенью общественной опасности, продолжительности и актами насилия. Такие акты насилия могут приобретать различные формы, от спонтанного зарождения акций протеста к борьбе между достаточно организованными группами и властью. В таких ситуациях, которые не обязательно перерастают в открытую борьбу, власть прибегает к использованию многочисленных сил милиции, полиции или даже вооруженных сил, чтобы восстановить порядок внутри страны. В случаях с большим количеством жертв эксперты подчеркивают необходимость применения минимума гуманитарных норм [7, с. 3].

Что же касается понятия «внутренняя напряженность», то этот термин обычно имеет отношение к ситуациям серьезной напряженности (политической, религиозной, расовой, социальной, экономической и др) и последствий вооруженного конфликта или внутренних беспорядков [8, с. 153], включает в себя, в частности, ситуации серьезной напряженности, но может рассматриваться и как продолжение вооруженного конфликта или внутренних беспорядков. Вместе с этим, таким ситуациям присущи одна или несколько из следующих характеристик, если не все одновременно: крупные масштабные аресты; большое количество «политических» заключенных; вероятное существование жестокого обращения или нечеловеческих условий содержания под стражей; приостановка основных судебных гарантий; введение чрезвычайного положения; огласка сведений о насильственных исчезновениях [5, с. 1355]. Необходимо отметить, что К.В. Доди значительно расширяет список, добавляя в него смежные критерии, для характеристики подобных ситуаций, а именно: большое количество лиц, задержанных по причинам «безопасности»; долгосрочные административные задержания; наличие жестокого обращения, материальные или психологические пытки; лишение права переписки заключенных в течение длительного времени; репрессивные меры против членов семей лиц, находящихся в близком родстве с теми, кто был лишен свободы; широкомасштабные меры, ограничивающие личную свободу (высылка, домашний арест, перемещения и др); увеличение количества актов насилия, которые подвергают опасности незащищенных лиц или распространяют страх среди гражданского населения [8, с. 153-154].

Итак, понятие внутренних беспорядков и напряженности становится более точным, хотя и окончательно не исчерпывающим. Так, к таким ситуациям следует относить мятежи, то есть все нарушения, которые с самого начала не направлены на лидера и не имеют согласованных намерений; изолированные спорадические акты насилия в отличие от военных операций, проводимых вооруженными силами или организованными вооруженными группами); другие акты аналогичного характера, которые охватывают, в частности, массовые аресты лиц в связи с их поведением или политическими убеждениями [5, с. 133]. На особое внимание заслуживает тот факт, что некоторые эксперты разделяют мнение, согласно которому к вышеупомянутому перечню также нужно включить все подобные уголовно-наказуемые деяния и преступления, предусмотренные национальным правом, но МККК решил не делать этого, учитывая, что большинство национальных уголовных законов предусматривает уголовную ответственность за подобные действия, а в случае фактического указания того, что Протокол II не будет применяться в случаях актов, за которые предусматривается ответственность по национальному уголовному законодательству стран, применение положений этого Протокола было бы практически иллюзорным [5, с. 133].

В дальнейшем во время совещания МККК было предложено вынести на рассмотрение ведущих специалистов вопрос о принятии Декларации основных прав личности в период

внутренних беспорядков или напряженности, которая закрепляла бы основополагающие принципы защиты лиц, которые должны были быть соблюдены в любое время и при любых обстоятельствах». В проекте этой Декларации в наиболее общем виде воспроизводились основополагающие принципы защиты, которые были сформулированы в статье 3, общей для всех четырех Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. (далее - статья 3), и к нему было добавлено еще несколько положений относительно обращения с лицами, лишенными свободы, в таком же виде, как и в Минимальных правилах, установленных ООН. Вместе с этим проект Декларации также учитывал положения Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.) (далее - МПГПП). Однако, несмотря на такой характер фундаментальности проекта Декларации, а также учитывая объективную необходимость в защите указанной категории лиц, ряд экспертов сочли, что вопросы, которые касаются внутренних беспорядков и напряженности внутри страны, выходят за рамки компетенции совещания МККК, поскольку они не относятся к вооруженным конфликтам. В связи с этим вышеуказанная Декларация подверглась жесткой критике и в конечном итоге не была принята [8, с. 154].

Следующим шагом относительно попытки урегулирования случаев нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности стала ч. 2 ст. 1 Протокола II, которая отмечает, что этот Протокол не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таких как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку они не являются вооруженными конфликтами, следовательно, прямо исключая ситуации внутренних беспорядков и напряженности из области применения Протокола [5].

В наше время более детальные характеристики, определения и критерии предлагает доктрина современного международного гуманитарного права, которая, по нашему мнению, сформулировала два основных подхода к исследованию случаев нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности. Первый подход заключается лишь в изучении этих явлений, детальном анализе их понятий, признаков и сущности и их отграничении от вооруженного конфликта. Второй подход, в противоположность первому, - в исследовании «от противного». Он характеризуется изучением вооруженного конфликта и его удаленностью от этих явлений.

Что же касается первого подхода, то, по мнению К.В. Доди, специалисты говорят о внутренних беспорядках, когда в условиях отсутствия вооруженного конфликта государство применяет силу в целях сохранения или восстановления правопорядка и законности, а о внутреннюю напряженность, когда в условиях отсутствия внутренних беспорядков государство прибегает к превентивному применению силы в целях сохранения мира и законности [8, с. 151]. В свою очередь, Ф.Ф. Мартенс сводит «внутренние беспорядки» и «ситуации внутренней напряженности» в одно идентичное понятие и предлагает под ними понимать все конфликтные ситуации внутри той или другой страны, достаточно серьезные в плане порождения острых гуманитарных проблем, особенно в силу того, что они ведут к физическому насилию и ограничению свободы, независимо от того, используются ли вооруженные силы или нет [10, с. 38]. По нашему мнению, совершенно справедливым при определении «внутренних беспорядков и напряженности» является выделение «гуманитарного» критерия. Однако стоит согласиться с мнением А.Ф. Кастро, который говорит о необходимости разграничения этих понятий. В то же время их различия довольно условны, а «рамки» для выделения обычно очень трудно провести [11, с. 35-36].

Сегодня в рамках исследований, которые посвящаются проблеме случаев нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, чаще всего нарушаются два основных вопроса. Во-первых, в какой момент та или иная ситуация уже не отвечает условиям поддержания внутреннего правопорядка и перерастает в вооруженный конфликт, то есть с какого именно момента подобные внутренние беспорядки становятся вооруженным конфликтом? И, во-вторых, кто, согласно с положениями Протокола II, определяет, когда эта «граница» преувеличена?

Сложность ответа на первый вопрос (особенно если учитывать, что участники беспорядков также могут применять оружие) сегодня обусловлена отсутствием общепризнанного эффективно действующего механизма как на внутригосударственном уровне, так и на международном, который давал бы возможность своевременно и объективно определить переход беспорядков в качественно новое состояние, то есть во внутренний вооруженный конфликт. Следовательно, выработка объективных критериев и процедур с целью решения таких вопросов - важные задачи в сфере как международного, так и внутригосударственного права. И. И. Котляров отмечает, что в доктрине международного права высказываются соображения, смысл которых сводится к тому, что упомянутый «предел» определяет само государство, поскольку противоборство имеет место между суверенным государством и ее гражданами, а одной из основополагающих атрибутивных функций государства является функция поддержания правопорядка, которая рассматривается государством как ее собственная, ни с кем больше не делимая прерогатива [12, с. 39]. Однако «поведение» государства по поддержанию правопорядка может быть неоднородным. Например, М.М. Лебедев говорит о том, что нарушения внутреннего порядка могут иметь место, когда государство не вмешивается с целью восстановления порядка. Речь идет о том, что иногда нарушение порядка приобретают форму столкновений между группировками, когда государство непосредственно не участвует в этих нарушениях [13].

Итак, стоит отметить, что при квалификации таких ситуаций, как «внутренние беспорядки и напряженность», не важно, имеют ли место репрессии со стороны государства, как долго длятся такие беспорядки, или имеют их вспышки длительные последствия, возникают они периодически, затрагивают часть или всю территорию государства, имеют ли они причины религиозного, этнического, политического или иного характера. Более того, по мнению Ю. М. Колосова, во время анализа ситуаций внутренних беспорядков не имеют никакого значения причины их возникновения, их продолжительность (временные рамки) и территориальность (пространственные границы) [6]. Вместе с этим нарушение внутреннего порядка чаще всего квалифицируются как столкновения, которые должны в некоторой степени значительный и длительный характер, могут быть временными или хроническими в связи с этим порождать гуманитарные проблемы продолжительного характера.

Следовательно, внутренние беспорядки характеризуются серьезным нарушением порядка в стране в результате насильственных действий, которые тем не менее не приобретают характера вооруженного конфликта. Это, например, беспорядки, с помощью которых отдельные лица или группы лиц открыто проявляют протест, недовольство или выдвигают свои требования. Здесь речь может идти также о борьбе отдельных группировок между собой или против действующей власти. Что касается второго вопроса, то представляется, что его решение должно увязываться с исключительной компетенцией государства, на территории которой имеют место указанные ситуации. Но в отдельных случаях (прежде всего тогда, когда они представляют собой реальную угрозу международному миру и безопасности и, следовательно, затрагивают интересы государств определенного региона или всего международного Сообщества в целом) должны существовать возможности для привлечения третьей стороны, которой может быть ООН, региональная организация или уполномоченные на то органы.

Относительно второго подхода стоит отметить, что для того чтобы отличить вооруженный конфликт в значении общей статьи 3 от менее серьезных форм насилия, таких как внутренние беспорядки и напряженность, мятежи или акты бандитизма, ситуация должна достичь определенного порога конфронтации. Общепринятым считается, что минимальный уровень определен в п. 2 ст. 1 Протокола II и п. 2 ст. 8 Римского статута международного уголовного суда, которые исключают эти явления из понятия вооруженного конфликта немеждународного характера. В связи с этим обычно используются следующие два критерия: 1) военные действия должны достичь минимального уровня интенсивности; 2) неправительственные группы, находящиеся в конфликте, должны рассматриваться как «стороны конфликта», что свидетельствует о наличии организованных вооруженных сил.

Следовательно, внутренние беспорядки отличаются значительными общественно опасными нарушениями внутреннего порядка в результате актов насилия, которые, однако, не имеют характеристик вооруженного конфликта или войны. Они охватывают, например, беспорядки, по которым отдельные лица или группы лиц открыто выражают свое несогласие, недовольство или свои требования, или даже отдельные спорадические акты насилия. Они могут приобретать форму борьбы между различными политическими группами или против власти на месте. Поэтому, исходя из этих определений и характеристик, нужно отметить, что сегодня в ситуациях внутренних беспорядков правила международного гуманитарного права могут быть применены только по аналогии.

Итак, стоит констатировать, что сегодня одной из наиболее острых проблем в практике применения международного гуманитарного права остаются вопросы относительно отсутствия четкого и полного определения всех ситуаций, к которым должны применяться его нормы. Так, международное гуманитарное право лишь характеризует ситуации, которые должны быть урегулированы его нормами. Вместе с этим и до сих пор остаются отсутствующими четкие и недвусмысленные критерии, по которым такие ситуации можно было бы определить. Не существует нормативного определения понятия «внутренние беспорядки и напряженность», именно поэтому распространенным явлением является применение большого количества названий для таких ситуаций, как «внутренние восстания», «внутренние насилия», «массовые беспорядки» и тому подобное, что создает существенные проблемы на практике. Именно это, по нашему мнению, составляет существенную проблему, ведь нормы международного гуманитарного права не действуют в ситуациях, не перетинают определенный порог применения. Поэтому необходимо унифицировать и свести эти понятия к единому «внутренние беспорядки и напряженность», а также нормативно закрепить его дефиницию/ Что касается права вооруженных конфликтов, то, по нашему мнению, недостаточно урегулированными остаются вопросы правовой квалификации случаев нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности.

Список использованных источников

9. Устав ООН от 26 июня 1945 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>
10. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера от 8 июня 1977 г. // <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540378/>
11. Международное гуманитарное право : учебник / под ред. А. Я. Капустина. – 2-е изд., испр. И доп. – М. : Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2011. – 639 с.
12. Мишкуро М. А. Соотношение понятий «война» и «вооруженный конфликт» в международном гуманитарном праве // Молодой ученый. – 2016. – №8. – С. 763-765.
13. Комментарий к Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II). М.: Междунар. Комитет Красного Креста, 1998. – 1626 с.
14. Действующее международное право: документы: в 2 т. / сост.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М.: Юрайт, 2007. – 386 с.
15. Павлова Л. Роль статьи 3 Женевских конвенций 1949 г. В прогрессивном развитии международного гуманитарного права// Международное право. - №4. – 2010. – С. 3-6
16. Доди К.В. Некоторые проблемы правовой квалификации беспорядков внутри страны и ситуаций внутренней напряженности// Альманах международного права. -2009.- №1.-С.151-161
17. Комментарий к Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II). М.: Междунар. Комитет Красного Креста, 1998. – 1626 с.

18. Современное международное право цивилизованных народов. В 2 томах. Т. 1 / Мартенс Ф.Ф.; Под ред.: Томсинов В.А. - М.: Зерцало, 2008. – 368с.
19. Кастро А.Ф. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов : дисс. ... Канд. Юрид. Наук : спец. 12.00.10 / А.Ф. Кастро. - М., 1999. - 166 с.
20. Международное гуманитарное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. И. И. Котлярова. – 3-е изд., перераб. И доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 271 с.
21. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии: Учеб, пособие. - 2-е изд. - М.: Аспект-Пресс, 2009. – 430 с.

УДК 341.1/8

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И РАЗВИТИЯ ПО УЛУЧШЕНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ СТРАН В СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Казанова Лаура Сериковна

Laura_kazanova@mail.ru

Студентка юридического факультета ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан
Научный руководитель – Костяная Ю.С

Целью данной статьи является прояснение определенных правовых вопросов, связанных с обозначением роли организации экономического сотрудничества и развития по совершенствованию законодательств стран-участниц и тех стран, которые заключили грантовые соглашения с данной организацией для осуществления проекта «Поддержка реализации Функционального обзора»[1]. В данной статье, приводится краткая сводка информации о данной организации и ее деятельности, а также каким образом она содействует странам в решении их внутренних проблем. Для примера ее воздействия на правовую систему государств, взяты такие страны как Казахстан и Латвия. Латвийская Республика, как страна-участница, что вступила в настоящую организацию в 2016 году и Республика Казахстан, как государство, ведущее активную политику для сближения с этой организацией и подписавшее с ней грантовое соглашение об обеспечении самых современных руководящих принципов и системных аналитических рамок, надежных оценок реализации и сравнительных, ориентированных на страны, а также на результат контрольных показателей и рекомендаций в каждой из областей политики. Актуальность данной темы не подлежит сомнению, так как рассматриваемая статья является новейшим доктринальным источником международного права, и она показывает какое значительное влияние имеет международная организация на развитие стран-участников и стран-партнеров, содействуя им в разрешении и совершенствовании их внутренней структуры – то есть политики, экономики и их внутреннего развития.

Организация экономического сотрудничества и развития (далее ОЭСР) – это международная экономическая организация, основанная в 1961 году, которая состоит из 35 наиболее развитых государств, в том числе стран Европы, а также такие державы как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Мексика, Япония и Южная Корея, которые признают принципы свободной рыночной экономики. Ее основная цель заключается в оказании содействия наиболее оптимальному и устойчивому экономическому росту, занятости и уровня жизни в стран-членах и партнерах для повышения их вклада в глобальное развитие. ОЭСР представляет собой некий форум, на котором правительства могут функционировать вместе для обмена опытом и для поиска решения общих проблем, путем согласования аналитической работы, консультаций, оценок, коллегиальных обзоров и реализации политики. В настоящее время страны-члены данной организации вырабатывают более 60 % мирового ВВП. Страны ОЭСР прошли дорогу углубленной модернизации, население имеет